

муся кредо интеллигентского ордена» (Там же. С. 100), обратившись к прекрасному в национальной жизни. Свидетельство перемен З. видел в публикации «Миром искусства» исследования Мережковского о Достоевском и Толстом, где «Мережковский первым из критиков рассматривал этих писателей прежде всего как религиозных учителей, т. е. в аспекте, ранее не замечавшемся русской интеллигенцией. Эта работа вызвала горячие споры, завершила длительный период антихристианских настроений, характерных для левого крыла интеллигенции, и явилась поворотным пунктом в эволюции русской литературы» (Там же. С. 101).

Соч.: на рус. яз.: Вселенская церковь и русское православие. Париж, 1952; Библиография русских зарубежных богословов, церковных историков, социологов и литературоведов. Нью-Йорк, 1965; На переломе: три поколения одной московской семьи (1812–1921). Париж, 1970; За рубежом: Белград–Париж–Оксфорд. Хроника семьи Зерновых (1921–1972). Париж, 1973; Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, истории церкви и православной культуры. Бостон, 1973; Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1974, 1991; Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев. М., 1995. На англ. яз.: Moscow the Third Roma. London, 1937; The Church of Eastern Christians. N. Y., 1942; Three Russians Prophets: Khomiakov, Dostoevsky, Soloviev. London, 1944, 1973; The Russians and Their Church. N. Y., 1945; The Christian East. Deli, 1956; Orthodox Encounter. London, 1961; Eastern Christendom. London, 1961; The Russian Religious Renaissance of the XX century. London, 1963.

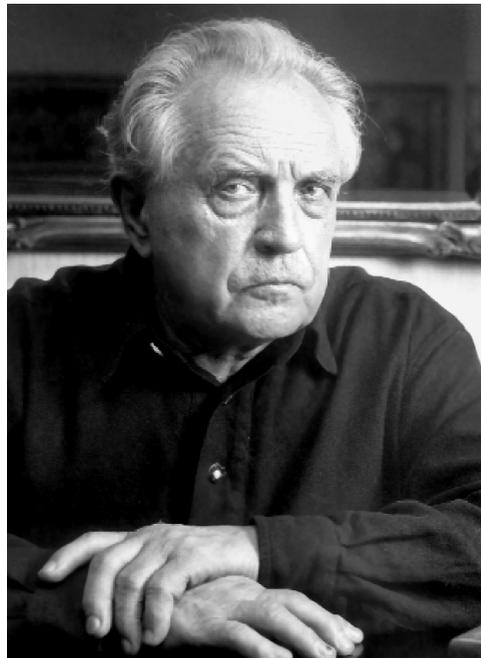
Лит.: Ремизов А. В сиянье голубом. Эссенцуки. Памяти доктора С. М. Зернова // Последние новости. Париж, 1938; Андреев Н. О семейной хронике Зерновых // Новый ж. 1973. № 111; Андреев Н. Е. Некролог // Новый ж. 1980. № 140; Красавченко Т. Н. Вновь о России, которую мы потеряли: Семья Зерновых // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная лит-ра. 1994. № 1.

С. А. Коваленко

ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович [29.10.1922, с. Пахтино Чухломского р-на Костромской обл.] — прозаик, публицист, философ.

Из крестьянской семьи. Отец З. — профессиональный маляр, с начала 1920-х живший в Москве; как и большинство чухломских крестьян-отходников, приезжал ежегодно в родное село помочь семье в полевых работах. Детство З. провел в деревне; на формирование его мировоззрения и развитие способностей наибольшее влияние оказали родители.

Рано научившийся читать, писать, рисовать и производить в уме сложные математические вычисления, З. с детских лет привык анализировать структуру взаимоотношений внутри социума, постепенно расширяя сферу своих исследовательских интересов от кружка сельских сверстников до — спустя полвека — глобальной метаполитики. В детстве его любимыми авторами были Лермонтов, Гюго, Гамсун с исповедуемым их героями культом героического индивидуализма. С детства З. свойственно также обостренное чувство личной нравственной ответственности, сопряженное с сознательно-ироническим восприятием действительности; сочетанием этих качеств, оттененных внешним бесстрашием, интеллектуальным превосходством и безукоризненностью манер, обусловлены эпатажные окружающего поведение З. (порой на грани юродства) и его мировоззрение. Взгляды З. оказались одинаково чужды коммуно-демократическому обществу как в советско-российском, так и в западном его вариантах, собирательно названных З. «тоталитарной демократией». После окончания в 1933 сельской начальной школы З. отправился в Москву к отцу, где окончил среднюю школу, интенсивно занимаясь самообразованием (увлечение философией, в частности, идеями утопического социализма). З. посещал архитектурный кружок Дворца пионеров, с которым объездил

А. А. Зиновьев

Подмосковье и неоднократно бывал в Ленинграде. Первая публикация З. — рассказ о поездке с кружком во Владимир, напечатанный в «Пионерской правде» в 1936. Ежегодные поездки З. в Пахтино к матери (где она жила до 1946) наглядно показали ему методы коллективизации — «только русская женщина могла выдержать эти каторжные годы — поэтому описания сталинских лагерей не произвели на меня сильного впечатления». В Москве З. «поразил сам факт вопиющего неравенства людей, причем неравенства, являвшегося продуктом уже нового общества, а не пережитком прошлого».

По окончании в 1939 средней школы с отличием З. был принят на философский ф-т Московского ин-та философии, лит-ры, истории. По его словам, «Суть моей жизненной драмы состояла в том, что я необычайно рано понял следующее: воплощение в жизнь самых лучших идеалов имеет неотвратимым следствием самую мрачную реальность <...> По всей вероятности, я был первым в истории коммунизма человеком коммунистического общества, который увидел источник зловещего зла в его добродетелях». Персонализация зла воплотилась для З. в личности Сталина и привела к идее индивидуального террора. «Намерение совершить покушение на Сталина овладело моими мыслями и чувствами <...> Зародилось интеллектуальное любопытство к самому социальному строю страны, желание понять его механизмы, порождающие зло». Спровоцированный однокурсниками на комсомольском собрании объективный рассказ З. об увиденном в колхозе был заклеен ими как «вражеская вылазка», и З. был исключен из комсомола и ин-та без права поступления в высшие учебные заведения вообще. В окт. 1939 З. был арестован без предъявления конкретных обвинений; во время производства следственных действий совершил побег и до нояб. 1940 находился на нелегальном положении. В день 18-летия добровольно прибыл на сборный пункт призывников и был определен в кавалерийский полк Особой Дальневосточной Красной Армии. По расформировании ОДКА весной 1941 часть З. была переброшена на западную границу. После начала войны З. участвовал в боях, был ранен и направлен курсантом в Ульяновскую военную авиационную школу пилотов, где в 1942–43 сочинил **«Балладу об авиационном курсанте»**, имевшую успех в устном исполнении автора; образцом ее послужила поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин». После обучения З. стал летчиком на штурмовике Ил-2; неоднократно уча-

ствовал в воздушных боях. За годы войны З. сочинил значительное количество стихов и прозы, которые, опасаясь обыска, брал с собой в полет. Из армии З. вернулся с чемоданом рукописей, самую безобидную из которых — **«Повесть о предательстве»** — уничтожил в 1946 по совету К. М. Симонова во избежание ареста.

В 1946 З. был демобилизован в звании капитана и поступил на философский ф-т МГУ, который окончил с отличием в 1951 и был оставлен в аспирантуре. Десятилетие бытовой нищеты, а также разнообразные формы побочного заработка (грузчиком, статистом, донором, землекопом, маляром, преподавателем логики и психологии) обогатили З. обширным материалом для его «социологических романов». С 3-го курса З. избрал своей основной специальностью логику. В 1954 З. защитил канд. дис. («Метод восхождения от абстрактного к конкретному: На материале „Капитала“ К. Маркса»), посвященную пригодности логического аспекта диалектического метода для анализа человеческого общества. Однако в ученой степени канд. наук З. был утвержден спустя 4 года после защиты, а дис. была изъята из открытого фонда ГБЛ и НБ МГУ и получила распространение в самиздате.

С 1954 по 1976 З. был науч. сотрудником Ин-та философии АН СССР и одновременно с 1956 по 1976 преподавал на кафедре логики МГУ (в 1967–76 — заведующий кафедрой), приобрел мировую известность своими науч. трудами. Успех монографии **«Философские проблемы многозначной логики»** (М., 1960; защищена в 1964 в качестве докторской дис.), сразу же «ставшей логико-философским бестселлером всемирного значения», ввел З. в круг крупнейших логиков мира. Достижения логической школы З. систематически замалчивались в советской науч. среде, в то время как сам З. был самым цитируемым в мире советским философом.

Очередной ступенью эволюции З.-логики явилось создание им в 1970-х логической социологии — оригинальной теории для науч. анализа советского общества, призванной, прежде всего, обобщить и сформулировать результаты полувековых наблюдений самого З. Фрагменты лекций З., а также эссе о скульпторе Э. Неизвестном были первым шагом З. на пути к созданию социологического романа **«Зияющие высоты»**. Замысел романа с таким названием созрел у З. еще в 1945, но к работе над ним он смог приступить лишь в 1974. В течение полугода напи-

санное или надиктованное З. сразу же перепечатывалось женой, выносилось из дома вместе с черновиками и незамедлительно переплавлялось за границу. Построение романа находилось во взаимозависимости от процедуры творчества и способа переправки фрагментов: сюжет как таковой отсутствует вообще, а сам роман состоит из совокупности самых разнородных текстов: диалогов, очерков, небольших повестей, фельетонов, стихов; все это объединено условной общностью идей и персонажей, в которых искушенный читатель легко узнавал известных прототипов, а неискушенный — просто от души смеялся над знакомыми реалиями советского быта.

Все русскоязычные зарубежные изд-ва отказались печатать роман З., который полностью противоречил традиционным представлениям о лит. произведении. «Аморфная груда страниц под именем „Зияющие высоты“ <...> Идея расплывчата и противоречива; сюжета нет вовсе; композиция хаотична настолько, что не хочется употреблять слово „композиция“ вообще; герои без имен-отчеств и человеческих чувств; заумь научных трактатов смешивается с матерной руганью; время от времени среди прозы зачем-то стихи. Все — не как в книжках. Все — не как у людей». Тем не менее «ни единой случайной фразы в книге нет, построена она по четким, хотя и гибким канонам — пусть и далеким от принципов современной литературности, но имеющим глубокие корни в литературе мировой» (Заговор против чувств: [Интервью П. Вайлю и А. Генису] // *Континент*. 1980. № 2. С. 401–423). В произведении, с наибольшей силой обличавшем совр. советскую действительность, не было ни привычных для текстов подобной тематики антисоветских штампов, ни публицистического пафоса. З. никогда не считал себя диссидентом-антисоветчиком. Он разоблачал язвы советского образа жизни, но при этом всегда оставался патриотом своей родины. Швейцарский издатель В. Димитриевич, не будучи финансово зависим от закупки его изданий Госдепартаментом США, издал «Зияющие высоты» и на протяжении двух десятилетий опубликовал большинство книг З. в своем изд-ве «L'Age d'Homme» (Лозанна).

Успех «Зияющих высот» (Лозанна, 1976) был ошеломляющим. «Запомните это имя: раньше были Свифт, Вольтер, Гоголь, а теперь будет Зиновьев... Читать Зиновьева — это лечиться от всеобщего обледенения нашего общества» (Галло М. «L'Express»); ср.: «Даже сумасшедшая экстравагантность свифтовской фантазии не в силах пойти дальше той

советской реальности, по которой так сардонически и мастерски медитировал гениальный Зиновьев» (Берджес Э. «Daily Telegraph»). В СССР роман З., в отрывках читаемый по зарубежному радио, коллеги автора восприняли прежде всего как «донос на советскую творческую интеллигенцию». Либеральная среда подвергла З. остракизму и всячески побуждала власть к расправе над ним; популярность З. среди радиослушателей и читателей сам- и тамиздата также служила провокативным фактором. Вскоре З. был исключен из КПСС (членом которой он состоял с 1953) и уволен с должности старшего науч. сотрудника Ин-та философии и члена редколлегии «Вопр. философии»; с формулировкой «за несоответствие должностям и званиям» он был лишен степени старшего науч. сотрудника и звания профессора, а также боевых наград и понижен в воинском звании с капитана запаса до рядового.

После издания наиболее резкого фрагмента «Зияющих высот», считавшегося утраченным — «Светлое будущее» (Лозанна, 1978), ответственный за идеологию член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов упомянул о З. как о «самой главной идеологической сволочи» и вскоре постановлением Президиума Верховного Совета СССР «за действия, порочащие звание гражданина СССР» З. был лишен советского гражданства. Еще до этого акта, 6 авг. 1978 З. с женой и дочерью были депортированы в ФРГ. По приглашению премьер-министра Баварии Ф.-И. Штраусса (в годы войны — летчика-истребителя на том же участке фронта, что и З.) З. поселился в Мюнхене; в первые годы изгнания читал лекции сперва в Мюнхенском, а затем в Оксфордском ун-тах.

На протяжении более двух десятилетий З. вел привычную для него подвижническую жизнь проповедника. Ежегодно Димитриевич издавал одну-две его книги (всего за это время З. опубликовал около 30 книг, переведенных на 20 яз.), выступал с лекциями по всему миру и был постоянно востребован западными СМИ. Круг почитателей З. был весьма велик и разнообразен (среди них — диктатор Чили А. Пиночет), однако из видных деятелей русской эмиграции солидарным с З. оказался лишь В. Максимов.

Русской эмиграции З. оказался столь же чужд, как и советской «либеральной фронде». Не будучи лично изгнанным в западной русскоязычной среде, З. после высылки опубликовал пространную «Автобиографию» в большинстве конкурирующих изданий почти одновременно (Русская мысль. 1978. 25

мая; Посев. 1978. № 8; Синтаксис. 1978. № 3) и отказался входить в какие-либо группировки. Сразу же на З. «посыпались удары разной силы: от скромного «русифоба» до криминального «агента КГБ», от почти безобидного упрека в «незнании русской истории» до апокалиптического обвинения в «стремлении распространить коммунистическую экспансию на весь мир» (Заговор против чувств. С. 403). Безоговорочное признание З. духовными вождями Запада («Один из самых больших современных писателей, с точки зрения чистой литературы, быть может, самый большой из всех» — Э. Ионеско), а также отдельные сравнительные характеристики («Книга вызвала куда большую сенсацию среди русских в Советском Союзе и на Западе, чем все написанное Солженицыным» — «Daily Telegraph») привели к отчуждению З. от обособленной эмигрантской среды. Высказываемые З. парадоксальные суждения о СССР были далеки от достаточно однообразного антисоветизма, а безучастие З. к жизни эмиграции, в частности, к ангажированным западными спецслужбами правозащитным кампаниям, привели к созданию в умах изгнанников оригинальной мифологии о З. как об агенте КГБ, призванном отвлечь внимание западного общества от А. И. Солженицына. По мнению самого З., «советскую эмиграцию можно объединить только на просоветской основе». Объективный анализ феноменов т. н. «диссидентства» и «перестройки» как взаимовыгодной имитации «диалога общественности и власти» (**С чего начать. Статья первая. Обращение к третьей русской эмиграции** // Континент. 1987. № 1. С. 219–242) окончательно восстановил против З. либералов по обе стороны границы. Добродетели «перестройки» сразу же были поставлены З. под сомнение — он увидел в ней лишь мимикрию власти, а предложенные им термины «катастрофка» и «горбачевизм» стали столь же нарицательными, как ранее «гомо советикус».

Помимо советского общества в сферу внимания З. органично вошел Запад, вознесший «социологическую прозу» З. на новый виток всемирной известности; предложенные З. термины «глобализация», «западнизм/вестернизация» и «мировое негодяйство» стали общеупотребительными. Изучение Запада позволило З. рассматривать совр. ему эпоху не только как общий кризис мировой коммунистической системы, но и как начало глобального кризиса, знаменующего новый эволюционный переворот в истории человечества в целом. Возникновение сверхобществ

(первым из которых была мировая коммунистическая система), по мнению З., не менее важно, чем антропогенез и социогенез.

Идеология «перестройки» вызвала крайнее неприятие З.: «Нельзя оплевывать прошлое. Если оплевать прошлое, то мы ни шагу не сделаем в будущее». Удивительно несозвучными «новому мышлению» оказались тезисы З. о том, что «сталинизм был добровольным творчеством многомиллионных масс людей» и что «Целились в коммунизм, а попали в Россию!».

В 1990 З. и его семья были восстановлены в советском гражданстве и ему были возвращены степени, звания и боевые награды. За время изгнания З. был удостоен ряда престижных наград (Европейская премия за лучшее эссе, 1978; премия Медичи за лучший роман, 1979; Европейская премия за лучшее науч.-фантастическое произведение, 1982; Премия Теверье, 1992 и др.; был избран членом Римской и Баварской академий наук, почетным гражданином ряда городов и проч.). З. считал своим гражданским долгом объяснять всему миру суть происходящего на родине. Так, в будущем ельцинском режиме З. увидел закономерное продолжение горбачевского разрушения государственности — это было предсказано З. обескураженному Б. Н. Ельцину во время их телебеседы еще в 1990. Гостеприимный дом З. в Мюнхене превратился в место паломничества россиян, а также корреспондентов со всего мира. Помимо западных СМИ З. начал сотрудничать в российских оппозиционных изданиях («Правда», «День», «Завтра», «Советская Россия», «Политика»), чем поначалу вызвал изумление.

В 1999 З. с семьей возвратился в Россию и сразу же приступил к активной науч. (профессорство в МГУ) и общественной работе. Соч. З. оказались востребованными новым поколением читателей. Большая часть материалов о З. находится в Бременском архиве.

Соч.: СС: в 5 т. М., 2000; Зияющие высоты. Лозанна, 1976; Светлое будущее. Лозанна, 1978; В преддверии рая. Лозанна, 1979; Записки ночного сторожа. Лозанна, 1979; Без иллюзий. Лозанна, 1979; Желтый дом: в 2 т. Лозанна, 1980; Мы и Запад. Лозанна, 1981; Коммунизм как реальность. Лозанна, 1981; Мой дом — моя чужбина. Лозанна, 1982; Гомо советикус. Лозанна, 1982; Ни свободы, ни равенства, ни братства. Лозанна, 1983; Нашей юности полет. Лозанна, 1983; Евангелие для Ивана. Лозанна, 1984; Иди на Голгофу. Лозанна, 1985; Пара беллум. Лозанна, 1987; Живи. Лозанна, 1988; Горбачевизм. Нью-Йорк, 1988; Катастрофка. Берлин, 1988; Коммунизм как реальность; Кризис коммунизма. М., 1994; Смута. Катастрофка. Искусшение. М., 1995; Запад. Феномен западнизма. М., 1995; Русский

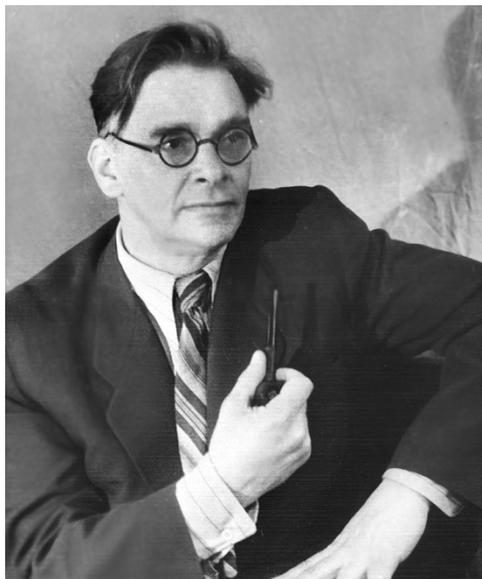
эксперимент. М., Лозанна, 1995; Посткоммунистическая Россия. М., 1996; Глобальный человек и Россия. Минск, 2000; Глобальное сверхобщество и Россия. Минск, 2000; На пути к сверхобществу. М., 2000; Русская судьба: Исповедь отщепенца. М., 2000; Затея. М., 2000; Гибель русского коммунизма. М., 2001; Русская трагедия: Гибель утопии. М., 2003.

Лит.: Философы России XIX–XX столетий. М., 1995; Федина А. М. А. Зиновьев о России, о Западе, о границе и о себе. М., 1998; Давыдова Л. В. Мужество знать: А. А. Зиновьев о глобальном сверхобществе и посткоммунистической России. Пятигорск, 2001; Феномен Зиновьева: 80 / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М., 2002; Бондаренко В. Г. Пламенные реакционеры. М., 2003.

М. П. Лепехин

ЗЛОБИН Степан Павлович [11(24).11.1903, Москва — 15.9.1965, Москва] — прозаик.

Мать — дочь известного сибирского общественного деятеля Н. Ядринцева. Детство провел в Рязани и Башкирии, учился в реальных училищах Рязани и Уфы. В 1917 ушел в Красную гвардию. Затем работал в рязанском ревкоме, в Совете крестьянских депутатов и др. В 1921 поступил в Высший лит.-худож. ин-т им. В. Я. Брюсова, который окончил в 1924. Работал в Башкирии учителем русского яз. и лит-ры, был лектором Политпросвета Наркомпроса Башкирской АССР. С 1925 работал экономистом Башкирского Совнархоза, треста «Волгокаспийлес», учился заочно в Воронежском сельскохозяйствен-

С. П. Злобин

ном ин-те. В 1925–30 каждое лето участвовал в лесозащитных экспедициях по Южному Уралу, ознакомился с жизнью местного населения, собирал фольклор и материалы для романа «Салават Юлаев».

Начал печататься в 1924. Первое опубликованное худож. произведение — сказка в стихах для детей «Переполох»; в 1924 вышла в Москве отд. книгой. В 1928 написал повесть «Дороги», она осталась неопубликованной. Писал и стихи — цикл «Из башкирских мотивов» (1925). Работал в Москве на радиовещании, в ж. «Пионер», «Колхозные ребята», где опубликовал рассказы «Дозорные», «Барабанщик из Феодосии», очерки «В туннеле под землей», «Метро» и др. Автор очерков «По Башкирии» (1928), «Пробужденные дебри» (1931), повести для детей «Здесь дан старт» (1931).

Повесть «Дороги» была посвящена революционному движению на Урале, другая ранняя книга З.— «Одиннадцать дней плавучей республики» — восстанию на броненосце «Потемкин». Развивая историческую тему в своем творчестве, в 1938 пишет роман о восстании в Пскове в XVII в.— «Остров Буян». В 1939 выпускает в детском изд-ве историческую повесть «Степан Разин» и задумывает роман на эту тему. С 1920-х работает над историей башкирского героя Салавата Юлаева, в 1929 издает повесть для старшего возраста «Салават Юлаев», она несколько раз переиздается, перерабатывается в роман (1941). Писатель Г. Бакланов вспоминал: «Впервые в жизни мне захотелось писать, когда я прочел книгу Степана Злобина „Салават Юлаев“...» (Москва. 1963. № 5. С. 216). В 1941 на экраны вышел кинофильм «Салават Юлаев», снятый по сценарию С. Злобина и С. Злобиной.

Летом 1942 в лагере советских военнопленных под Минском появилась рукописная антифашистская газ. «Пленная правда»; «орган советской совести и непроданной чести», — гласил ее подзаголовок. Ее передавали из рук в руки, она призывала к стойкости, к сплочению, к надежде, к сопротивлению, к борьбе. Автором, редактором и «издателем» газеты был З. Во время Великой Отечественной войны он служил в армии, в окт. 1941 попал в плен под Вязьмой, затем в лагерь для военнопленных. За подготовку военнопленных к побегу был отправлен в лагерь в Германию, там продолжил антифашистскую работу, писал и распространял публицистические брошюры. В янв. 1945 З. был освобожден войсками Красной Армии. Сотрудни-